

ИНТЕРВЬЮ В НОМЕР

«Убить в себе бургомистра...»

Киев, - 1987, - 30 июля - 6 стр.

Евгения Леонкова знают все, для многих он — любимый актер, а для кинорежиссера Георгия Данелии, по его собственным словам, — талисман. «Не обязательно в главной роли, — говорит режиссер, — пусть это будет эпизод, хотя бы два кадра, но с Леоновым. Он приносит удачу».

Мы встретились с Евгением Павловичем.

— Начиная с фильма «Тридцать три», вы, кажется, не пропустили ни одной картины Данелии?

— Совершенно верно. Сколько раз у него снимался — не помню, но каждый раз соглашаюсь с радостью. Мне неизвестен другой режиссер в кино, который умел бы так тонко слышать актера, раскрывать его возможности. Мы все знали замечательного актера Олега Басилашвили до «Осеннего марафона», но роль Бузыкина в его исполнении — это потрясающая работа! Куравлев в «Афоне», Никита Михалков в «Я шагаю по Москве», Вахтанг Кикабидзе в «Не горюй!» — все это Данелия.

— Ваша последняя работа с ним — роль Уэфа, обитателя планеты Плюк в фильме «Кин-дза-дза», по-моему, еще недостаточно оценена. Как, впрочем, и сам фильм — философская притча, пронизанная болью за все, что происходит с нашей планетой, с человеком, его представлениями о счастье, порядочности, верности. Может, некоторые зрители, увидев вас с Юрием Яковлевым, неожиданно появляющихся в немисленном виде из развалюхи — «пепелаца», решили, что будет забавная комедия, и остались разочарованными?

— Первоначально сценарий и был смешным, с элементами «капустника». Но постепенно во время работы Данелия потихоньку убирал смешные куски. И мне кажется, он нашел свой уровень грусти, вселенской тоски по искаленной планете, искаленным людям. Показал, как страшен всеобщий распад, но показал не напрямую — тонко, инсказательно. Я очень люблю этот фильм.

— Вот вы сказали «распад», а ваш герой Сарафанов в фильме Мельникова «Старший сын» считает жизнь справедливой и милосердной. Значит, лично вы со своим героем не согласны?

— Вы смешиваете разные вещи: распад — то, к чему человечество может прийти, если забудет о вечных категориях нравственности. А вампиловский Сарафанов ищет у жизни утешения. Да, он говорит: «Жизнь справедлива и милосердна для всех нас, живущих и мудрствующих. Она даже героев заставляет усомниться, а тех, кто сделал мало или даже ничего не сделал, но прожил свою жизнь с чистым сердцем, она утешает». И это мудро и, по-моему, верно. Нам так не хватает порой в жизни теплоты и поддержки! Сарафанов вроде бы неудачник, у него трудная судьба, но, несмотря на все это, в нем открывается такая доброта, которой хватило бы на целый мир. И в фильме мне хотелось прежде всего передать необыкновенную щедрость его души. Он отдает людям значительно больше, чем требует взамен.

— Когда зритель верит актеру, то нередко отождествляет исполнителя с персонажем, им сыгранным. А есть ли вообще взаимосвязь между актером и его героями?

— Конечно. Смысл актерской профессии — соединиться с образом, с характером, с литературой. Но я убежден: если актер, работая над ролью, не рассказывает в то

же время о себе самом, не выражает своего отношения к персонажу, у него ничего не получится. Каждая сыгранная роль оставляет след в душе и сердце актера. Мне трудно представить, что можно, всю жизнь играя доброго, стать злым.

— А играя отрицательного персонажа?

— Чтобы играть злого так, что всем станет ясно твое к нему отношение, твое осуждение, — надо самому быть выше. Всю жизнь играть отрицательных героев может, как мне кажется, только хороший человек.

— Вы рассказали как-то мне, что одна женщина вам написала: «Евгений Павлович! Вы — прекрасный актер, добрый человек. Надо ли вам играть мерзавцев?» Это было после спектакля «Диктатура совести». А сейчас вы снова играете «мерзавца» — Бургомистра в новом фильме Марка Захарова «Убить Дракона»...

— Мой герой — страшная, злоеющая фигура, воплощение социальной несправедливости, но мне бы не хотелось, чтобы с первого же взгляда был виден законченный подлец. В нем все переплелось: власть, коварство, хитрость, детский непосредственность, какое-то жуликоватое обаяние. Конечно, его поведение безнравственно: присвоил чужую победу, чужую невесту — юную девушку, тогда как сам он далеко не молод. Не успел Ланцелот убить Дракона — жестокого правителя, унижавшего людей, державшего их в тюрьмах, как Бургомистр занял место Дракона, переняв его демагогию, все его приемы. Если сделать Бургомистра сказочным злодеем, никто в него не поверит, не примет всерьез...

— Значит, по Станиславскому: в роли злого ищи, где он добрый?

— Конечно. Только так можно заставить каждого задуматься: а не сидит ли в нем Бургомистр? Мой герой столь глубоко впитал идеи Дракона и так изуродовал себя внутренне, что уже самому себе не доверяет. При Драконе он скасался психически больным, даже поверил в это сам, и его можно понять: быть бургомистром «вольного» города, где над свободой издеваются, — гут действительно можно сойти с ума.

— Евгений Шварц написал пьесу «Дракон» в 1944 году. За сорок с лишним лет она не только не устарела, но, пожалуй, приобрела еще большую остроту... Сегодня она в высшей степени актуальна.

— Только не надо напрямую подтягивать ее к нашему времени: одевать актеров в современные костюмы, придавать сходство с конкретными историческими лицами. В фильме, который снимает Марк Захаров, мне кажется, сохраняется шварцевская интонация притчи, но в характерах, в проблемах мы приближаемся к сегодняшней действительности...

— И, наверное, самое важное даже не уничтожить Дракона, а победить свой собственный страх, пассивность, то есть убить в себе Бургомистра?

— Да, с Драконом все более или менее понятно: его уже нет. А вот как быть с людьми? Если они не изменятся, может прийти новый Дракон, и все повторится...

Беседу вел

Светлана НОВИКОВА.

НА СНИМКЕ: кадр из фильма «Убить Дракона».

Фото А. Гришина.